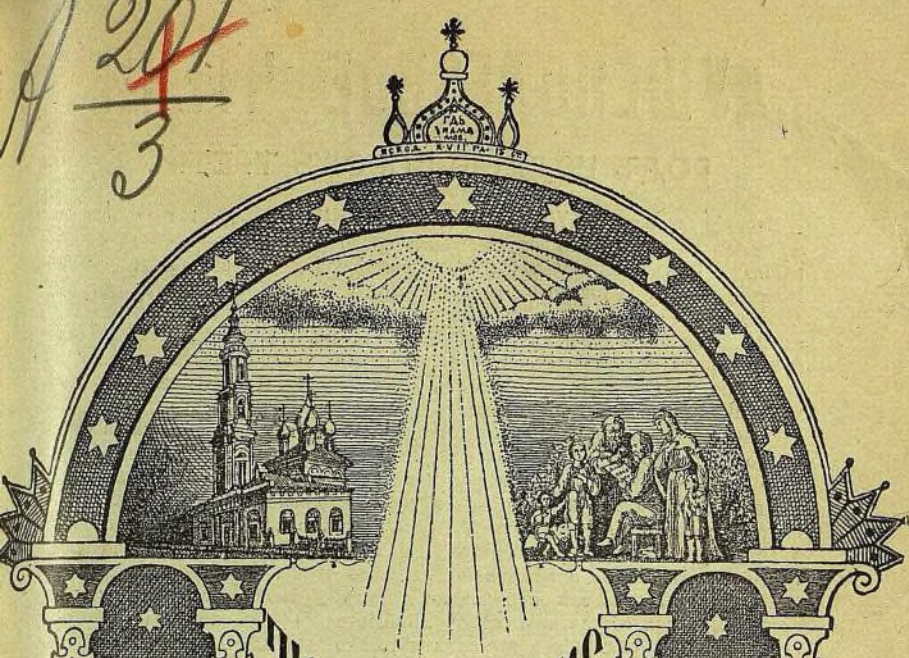


124
3



ДУШЕПОРАЗНОЕ

ЧТЕНІЕ.

годъ сорокъ третій.

1902.

МАРТА.

изданіе журнала
ДУШЕПОРАЗНОЕ ЧТЕНІЕ
будетъ продолжаться въ
текущемъ году на преж-
нихъ основаніяхъ.
(См. на оборотѣ).

Послаши
Дѣха Твое
го, и сози
ждутся, и
обновиши
лице земли.
Пс.: рг.: ѿ.

Не ѿхитѣтъ еди
номъ живъ
вѣдетъ чело
вѣкъ, но ѿ
всѣхъ мѣ
стъ, исхода
щихъ изъ
бѣжѣхъ. Мѣдѣ.

ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ РУССКОЙ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ 1899—1901 ГГ. *)

Нашъ очеркъ былъ бы и односторонень и неполонъ, если бы мы не упомянули и объ *отрицательныхъ* типахъ духовенства, появляющихся время отъ времени въ нашей литературѣ. Эти послѣдніе по бѣльшей части выведены не въ специально посвященныхъ духовному быту разсказахъ, а по преимуществу мимоходомъ, въ различныхъ разсказахъ и повѣстяхъ. Обратимъ прежде всего вниманіе на стремленіе нѣкоторыхъ и даже многихъ писателей, — разъ они выводятъ духовное лицо, — заставлятъ его говорить словами: «понеже», «убо», «се», «сей» и т. п., чего въ дѣйствительности не бываетъ. Изъ этого можно судить, насколько правдивы типы, выведенные въ такихъ карикатурныхъ разсказахъ. Для примѣра возьмемъ разсказъ г. Крашенинникова «Башкирскія скачки» (*Русская Мысль* мартъ 1901 г.). При поѣздкѣ компаніи на скачки, батюшкѣ, о. Теофилакту, приходится самому править.

«Что убо, что убо, — мягко заговорилъ онъ, кладя голову на плечо. — Ничего-сь. Самъ сяду на козлы и бразды надъ конями держать буду»...

Однако оказалось, что править о. Теофилактъ совсѣмъ

*) Продолженіе. См. февральск. кн. *Душисползное Чтеніе* 1902 г.

не умѣть и даже выпустилъ изъ рукъ бразды, т.-е. вожжи, и потерять шляпу. Немного странно для сельскаго священника. По приѣздѣ на мѣсто, батюшка прежде всего и весьма усердно принимается за закуску, несмотря даже на протесты со стороны хозяина. Когда же начинаются скачки — зрѣлище варварское и дикое — батюшка тоже увлекся. «Онъ ухватился за кустикъ черемухи, чтобы не упасть и, наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, громкимъ и хриплымъ шепоткомъ твердилъ, не спуская блестящихъ отъ возбужденія глазъ со скачущаго джигита:

— Наддай, поддай, наддай! Сугубо, наддай, сугубо!..»

Талантливѣйшій (по крайней мѣрѣ по отзыву критики и публики) изъ современныхъ беллетристовъ г. Чеховъ, въ тѣхъ несчастныхъ случаяхъ, когда онъ, обыкновенно мимоходомъ, выводитъ какое-нибудь духовное лицо, всегда и непремѣнно изображаетъ его въ каррикатурномъ видѣ. Такъ у него въ извѣстномъ разсказѣ «Въ оврагѣ» село Уклеевка извѣстно лишь тѣмъ, что тамъ дьячокъ на поминкахъ всю икру съѣлъ. На похоронахъ сожженнаго Аксиньей Никифора (въ этомъ же разсказѣ) духовенство и гости ѣдятъ много и съ такою жадностью, какъ будто они давно не ѣли, а батюшка, поднявъ на вилкѣ рыжикъ, обращается къ матери Никифора Липѣ съ такими утѣшительными словами:

— «Не скорбите о младенцѣ. Таковыхъ бо есть царствіе Божіе».

И только. И ни единого протеста по адресу безнаказанной убійцы Никифора—Аксиньи.

Въ одномъ изъ его мелкихъ юмористическихъ разсказовъ старикъ-священникъ вмѣстѣ съ прочими гостями напивается потихоньку отъ хозяйки. Въ другомъ — священникъ, зная, что его недругъ помѣщикъ больше всего боится встрѣчи съ попомъ, нарочно старается выѣхать ему навстрѣчу, когда тотъ ѣдетъ по неотложному дѣлу въ городъ, чтобы онъ, встрѣтивъ попа, вернулся назадъ и не попалъ такимъ образомъ въ городъ.

Г. Гяйдичъ, писатель вообще талантливый и правдивый, почему-то вообразилъ, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ доселѣ сѣкутъ и бьютъ, и эту некрасивую выдумку повторяетъ всюду въ разсказахъ и фельетонахъ. Г. Буренинъ постоянно потѣшается надъ «поповичами».—Г. Скабичевскій въ своей «Исторіи новѣйшей русской литературы», разсказывая біографію Потапенко и упомянувъ о томъ, что онъ учился въ духовной семинаріи и жилъ въ бурсѣ, сейчасъ же прибавляетъ: «то-есть былъ всячески пороть и бить», хотя это происходило уже въ недавнее время. Не говоримъ уже о г. Д....., котораго ненависть къ духовенству можетъ сравниться развѣ только съ количествомъ неправдъ, которыя онъ взводитъ на него. — Въ разсказѣ г-жи Анненковой-Бернаръ «Злая немочь» (*Русская Мысль* декабрь 1900 г.) священникъ на крестинахъ у богатаго крестьянина изрядно выпиваетъ, такъ что на другой день у него болить голова, и относится какъ-то двусмысленно къ народнымъ предразсудкамъ.—Въ повѣсти г. Антонова «Дубровинъ» (*Вѣстникъ Европы* январь и февраль 1901 г.) мимоходомъ выводится священникъ, который беретъ за метрики (за какія именно, не говорится) по пяти рублей. Впрочемъ, этотъ же священникъ старается исправить буяна Дубровина. Но въ этомъ же разсказѣ выведенъ, также мимоходомъ, духовникъ іеромонахъ святой подвижнической жизни и высокой духовной мудрости.

Въ упомянутомъ уже нами разсказѣ г. Гусева-Оренбургскаго «Первые шаги», кромѣ о. Луки, выведенъ и другой священникъ, черезчуръ уже разухабистый человѣкъ, хотя, впрочемъ, добрый. Этотъ священникъ говоритъ, что онъ мечталъ о юнкерскомъ училищѣ, а въ священники попалъ поневолѣ. Несимпатичны и обѣ выведенныя здѣсь молодыя матушки.—Въ другомъ разсказѣ того же автора «Бѣдный приходъ,—разсказъ дьякона» («Журналъ для всѣхъ» іюнь 1901 г.),—разсказъ, въ которомъ не мало несообразностей,—старикъ дьяконъ ужъ черезчуръ откровенно разсказываетъ зятю, какъ онъ и священникъ

добывали деньги въ бѣднѣйшемъ, совершенно нищенскомъ приходѣ ¹⁾. Въ упомянутомъ уже романѣ «Село Уютное» мимоходомъ выведенъ дьяконъ, который очень любитъ выпить и, какъ самъ заявляетъ, пьетъ все, кромѣ керосина, а, напившись, начинаетъ буянить.

Въ рассказѣ М. Хмураго «Пари», — очевидно, псевдонимъ, въ подражаніе М. Горькому, въ духѣ котораго написанъ рассказъ — («Литературные Вечера» *Новаго Мира* январь 1901 г.), — выведенъ цѣлый шестой классъ духовной семинаріи. Картина нарисована довольно некрасивая. Богословы до слезъ тяготятся своимъ званіемъ, обманомъ уходятъ въ театръ, на вечера и прогулки и въ концѣ концовъ устраиваютъ пари, гдѣ одинъ изъ богослововъ, протестантъ и циникъ, тоскуя объ измелъчаніи и оскудѣніи бursы и ревнуя по богатырямъ-бурсакамъ, изображеннымъ у Помяловскаго, берется выпить и съѣсть большое количество водки, сосисекъ и хлѣба. «Севрюга» — такъ прозвали этого богослова товарищи — уже успѣшно доканчиваетъ пари, какъ вдругъ въ комнату входитъ ректоръ... На этомъ кончается рассказъ.

Въ недавнее время явился новый поставщикъ рассказовъ изъ духовнаго быта въ свѣтскую литературу — нѣкто г. Елеонскій, одинъ изъ рассказовъ котораго мы разбирали ранѣе. Г. Елеонскій поревновалъ извѣстности г. Забытаго (псевдонимъ), но не обладаетъ его талантомъ, причемъ забываетъ и то, что и г. Забытый далеко не всегда изображалъ одни отрицательные типы духовенства. Типы духовенства у г. Елеонскаго плохо и неуклюже нарисованы, но всегда и непремѣнно отрицательнаго характера. Такъ въ рассказѣ «Новшество» («Журналъ для всѣхъ» 1901 г.) изображается борьба зрителя духовнаго училища съ учителями, купившими велосипеды, причемъ смот-

¹⁾ И какъ будто въ pendant къ этому рассказу здѣсь же помѣщенъ снимокъ съ весьма и весьма неприглядной картины, изображающей сборъ духовенствомъ руги.

ритель и его жена представлены въ довольно непривлекательномъ видѣ. — Еще хуже обстоитъ дѣло въ разсказѣ «Юбилей» (тамъ же). Здѣсь городское духовенство интригуетъ, и батюшки, изъ зависти, на юбилейномъ обѣдѣ какъ будто нечаянно обливаютъ виномъ и соусомъ дорогую шелковую рясу дьякона-юбиляра, только что подаренную ему старостою, а вину сваливаютъ на ни въ чемъ неповиннаго священника, который и платится за это. Въ болѣе или менѣе симпатичномъ видѣ изображенъ въ разсказѣ только этотъ послѣдній. — Въ разсказѣ «Папаша крестный» (*Русское Богатство* 1901 г.) выведенъ очень хитрый и черезчуръ ужъ практичный старикъ священникъ и тоже практичный его молодой родственникъ священникъ.

Нерѣдко достается въ подобныхъ разсказахъ и матушкамъ и — что въ особенности любопытно — преимущественно молодымъ, на что мы обращали вниманіе и ранѣе. Выходить по такимъ разсказамъ, что многія молодые матушки не по лѣтамъ практичны, и что молодые священники вмѣсто нравственной поддержки находятъ въ нихъ лишь тормазъ своей пастырской дѣятельности, грузъ, который тянетъ ихъ внизъ, въ сферу узкаго практицизма, гдѣ пастырство разсматривается лишь какъ средство къ собиранію и умноженію доходовъ, съ гордостью, чванствомъ и отчужденіемъ отъ паствы, отчужденіемъ неизбѣжнымъ и полнымъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что иногда и въ подобныхъ разсказахъ, сквозь осужденіе, какъ бы невольно, проскальзываетъ мягкая нотка, отмѣчается какая-нибудь симпатичная черта, прорывается теплое слово сочувствія, напр., къ тяжелому матеріальному положенію духовенства или къ невыносимому иногда гнету зависимости его отъ прихожанъ. Такъ въ упомянутомъ уже нами разсказѣ г. Гусева-Оренбургскаго «Бѣдный приходъ» студентъ семинаріи, ищущій священническаго мѣста, съ отчаяніемъ рассказываетъ своему тестю-дьякону, что мѣстъ этихъ, кромѣ одного бѣднѣйшаго села, нѣтъ. Въ этомъ селѣ доходовъ всего

шестьдесятъ рублей въ годъ, домъ для священника безъ крыши и безъ фундамента, въ два окна, и хотя прихожане обѣщали давать причту жалованье, двѣсти рублей въ годъ, но ни одному еще священнику ни рубля не заплатили. Одинъ изъ бывшихъ тамъ священниковъ подалъ было въ консисторію бумагу о неуплатѣ прихожанами жалованья, но получилъ выговоръ за сутяжничество. Дьяконъ, утѣшая зятя, совѣтуетъ ему не отказываться все-таки и отъ такого прихода и въ доказательство рассказываетъ, какъ самъ онъ сумѣлъ не пропасть въ еще болѣе бѣдномъ приходѣ, куда и опредѣленъ-то былъ вдобавокъ не на священническое, а на псаломщическое мѣсто. Приходъ былъ такой, что одинъ псаломщикъ тамъ съ ума сошелъ: пришелъ въ церковь, облачился и сталъ обѣдно служить. Другой пришелъ лѣтомъ въ валенкахъ пѣшкомъ, а по осени оттуда въ городъ босикомъ ушелъ... «Церковь—срубъ, сверху крестикъ, въ иконостасѣ только четыре иконы, колоколъ одинъ, маленькій, на четырехъ столбахъ съ перекладинами возлѣ церкви прилаженъ... Первый мѣсяцъ получилъ я дохода двадцать копеекъ. Во второй—шестнадцать копеекъ... да и то больше въ долгу, по бѣдности населенія... Въ третій—гривенникъ!.. Пришлось къ сапогамъ берестовыя подошвы пришить, на пиджакѣ разноцвѣтныя заплаты появились. Брюки съ бахромой. Посмотрю на себя, слеза прошибаетъ... Яко Іовъ многострадальный во гноищѣ или Іеремія во вретищѣ на развалинахъ Іерусалима»...

А въ очеркахъ г-жи Нелидовой «Современная помѣщица Коробочка и ея хозяйство» рисуется между прочимъ (*Миръ Божій* февраль 1901 г.) положеніе священника на сельскомъ сходѣ, куда онъ явился просить второго сторожа для церкви. По случаю храмового праздника, на сходѣ всѣ пьяны. Изъ середины, гдѣ гуще толпа, еще издали слышатся крики и восклицанія.

— «Стало быть сейчасъ, къ примѣру сказать, двоихъ держать, двоимъ и жалованье платить?—сильно жестику-

лируя, спрашиваетъ сосѣда высокій бѣлокурый мужикъ, недурной работникъ, но вздорный и взбалмошный чело-вѣкъ. Къ тому же онъ, видимо, пьянъ, не проспался отъ прежняго или же успѣлъ опохмелиться съ утра.

— А чудакъ! Да кто же безъ жалованья будетъ служить.

— Ну, что жъ и я говорю. Безъ жалованья не согласи-сень служить, а жалованье платить нашего согласія нѣту. А не трогъ батюшка самъ себѣ хоть троихъ сторожей наймаешь, да всѣмъ и платить. Мы запрету не будемъ полагать.

— Знамо дѣло. Пушай свои денежки платить. Пушай!

— У него ихъ много, у батюки. Знаемъ, каждый мѣсяцъ въ городъ ѣздить, въ банку деньги кладеть.

— Одного будетъ.

— Не согласны.

— Андрея жалаемъ, Говорова не жалаемъ.

— Говорова! Го-го-го! раздается изъ толпы.

Дѣло оказывается въ слѣдующемъ: умеръ дьячокъ (оче-видно, нештатный), крестьяне вошли въ соглашеніе съ сослуживцемъ его—вторымъ дьячкомъ, который, за ничтож-ную приплату, изъявляетъ желаніе одинъ править службу за двоихъ. Батюшка же на это своего согласія не даетъ и требуетъ, по крайней мѣрѣ, второго сторожа церков-наго, который бы прислуживалъ въ церкви и помогаль дьячку. Споръ идетъ изъ-за жалованья, сорокъ рублей въ годъ, которые не соглашаются платить сторожу мужики.

— Православные! — раздается сильный, взволнованный голосъ изъ толпы.—Православные, дайте же слово сказать.

Толпа подается, и въ углубленіи закрытыхъ воротъ, подъ короткимъ навѣсомъ, мы видимъ, прижатую къ во-ротамъ, высокую и худую фигуру молодого священника. Лицо у него блѣдное, съ пятнами; онъ, видимо, взволно-ванъ и утомленъ. На немъ ватная ряса, изъ-подъ которой видны сапоги, и войлочная, съ короткими полями, шляпа на головѣ. Онъ озябъ, переступаетъ съ ноги на ногу и прячетъ голыя красныя руки въ широкія рукава. Пере-

говоры между тѣмъ продолжаются, крики усиливаются, не приводя ни къ какому концу... Изъ толпы несутся крѣпкія слова и ругательства...

— Не жалаемъ! По старому чтобы значить какъ было. Андрюху жалаемъ.

— Православные, я не о себѣ хлопочу. Мнѣ все одно. По старому... Да вѣдь по старому было два дьячка. Мнѣ сторожъ не надобенъ, а для храма. Андрея желаете? Андрей не соглашается служить одинъ. Одному невозможно ночь караулить и днемъ служить. Сами видите—неуправка, въ храмѣ нечистота. Не мнѣ же самому полъ мести...

— А хоша бы и тебѣ. Что жъ такое! И подметешь. Не велика фря...—близко и громко раздается совершенно пьяный голосъ.

Батюшка слышитъ и блѣднѣетъ сильнѣй... Шумъ и галдѣнье продолжаются...

— Ребята, что жъ въ самомъ дѣлѣ? Долго ли еще эту канитель тянуть? Говорова? Его что ли?

— Не жалаемъ! — оретъ во все горло бѣлокурый пьяный мужикъ.

— Да погоди орать-то, горластый ч... Ну постой! Чу-ка!.. На минуту затихаютъ голоса. Въ сторонѣ воротъ, гдѣ все еще видна притиснутая къ воротамъ, напоминающая затравленнаго звѣря, худая фигура въ рясѣ и смятой шляпѣ, происходитъ движеніе. Слышны переговоры пониженными голосами. Повернувшіеся въ подпоясанныхъ полшубкахъ спины на минуту закрываютъ отъ насъ батюшку, и затѣмъ вдругъ разомъ мѣняется звукъ и тонъ голосовъ.

— Андрюху! — оретъ было бѣлокурый мужикъ, но его тотчасъ унимаютъ и останавливаютъ.

— А ты погоди, Семень, погоди! Чего зря-то орать? Ну, что жъ, эо дѣло. Ну, два такъ два.

— Что жъ, братцы, хошь бы и Андрюшку! Нѣшто не осилимъ.

— Осилимъ.

— Молчи, Егорка! Молчи, знай. Не замай послужать міру православному вдвоемъ.

— Вдвоемъ, знамо, сподручнѣ. Храмъ Божій, какъ можно, не что иное.

— Православные! Батюшка жалуется на міръ на полведра,—раздается отъ воротъ громко на всю толпу.

— Спасибо! Вотъ спасибо!

— Мало! Ведерко надо бы. Мало! Эй, слышь, поштенные, маловато!

— Говоровъ, твое, братъ, счастье. Кланяйся міру. Четвертную съ тебя.

Толпа подается назадъ какъ отступающая волна. Фигура въ шляпѣ у воротъ пригибается и исчезаетъ»...

А вотъ другая картинка, еще лучше. Здѣсь только дѣло происходитъ въ болѣе глухихъ мѣстахъ Россіи въ Приуральѣ, но происходитъ все-таки въ наше, а не въ давно прошедшее время.

Исправникъ въ веселой компаніи рассказываетъ, какъ онъ на дняхъ арестовалъ по дорогѣ одного дряхлаго старика въ подрясникѣ за безпаспортность. Старикъ увѣрялъ, что онъ причетникъ, и что его знаетъ священникъ того села, куда исправникъ ѣдетъ. Тѣмъ не менѣе исправникъ велѣлъ посадить его въ темную. «Собрались мы послѣ этого у станового, — продолжаетъ свой рассказъ исправникъ,—хорошая компанія: докторъ, лѣсничій, помощникъ акцизнаго надзирателя... выпили, закусили, пообѣдали, въ картишки перекинулись. Дѣло ужъ подъ вечеръ. Становой и говоритъ: «а какъ же, говорить, съ узникомъ-то?» А я, признаться, ужъ и позабылъ про него. — Господа, говорю, не угодно ли я вамъ сейчасъ бесплатное драматическое представленіе устрою? пошлите, говорю, за отцомъ Петромъ. Послали. Прибѣжалъ попъ перепуганный. «Что, говоритъ, такое?» Я шаркнулъ ножкой, сейчасъ подъ благословеніе, честь-честью.—Дѣльце, говорю, одно есть уголовное. Потрудитесь минутку подождать. Привести, говорю, арестанта. Вотъ хорошо.—Приводятъ дьячка. Смотрю, мой

попъ сталъ блѣденъ, какъ рубаха, а я обращаюсь къ нему этакъ официально: — можете, говорю, ваше благословеніе, удостовѣрить личность этого человѣка? — «То-есть какъ?» говорить. — Да очень, говорю, просто: знаете вы его? — «Помилуйте, говорить, — какъ можно!.. мое дѣло сторона... я священникъ»... Слѣдовательно, говорю, вы не знаете этого человѣка? — Попъ молчитъ. — Присмотритесь, говорю, внимательнѣе и скажите по сущей правдѣ, точно ли вы его не знаете? — «Ничего я не знаю, говорить», — а у са-
мого руки трясутся. — А не извѣстенъ ли вамъ нѣкій Краснопѣвцевъ? — Попъ поблѣднѣлъ еще больше. — «Увольте, говорить, ваше благородіе?..» — Совѣтую вамъ, говорю, показывать по чистой совѣсти, потому что потомъ придется, можетъ быть, то же самое подтвердить подъ присягой. — «Извѣстенъ», говорить. — Заштатный причетникъ Благовѣщенской церкви? — «Такъ точно», говорить. — Не есть ли, спрашиваю, это то самое лицо, что передъ вами? — Молчалъ попъ, молчалъ, наконецъ, и говорить: «онъ самый», говорить. — Слѣдовательно, арестованный мною человѣкъ есть Краснопѣвцевъ? — «Такъ точно», — говорить. — Можете дать письменное въ томъ удостовѣреніе? — «Освободите, говорить, ваше благородіе, этого я не могу». — Почему же? — «У меня семья, пожалѣйте семью», говорить, да и бухъ мнѣ въ ноги... я даже испугался. — Ну, хорошо, говорю, вѣрю вамъ на слово»... (А. Погорѣловъ. «Передъ грозой». Москва, 1900. Стр. 193—195). — Вотъ до чего боится священникъ исправника, и вотъ, значить, какія шутки даже въ наше время можно безнаказанно устраивать надъ духовенствомъ.

Мы познакомились съ типами духовенства, выведенными въ нашей свѣтской литературѣ въ послѣдніе два года, между 1899 и 1901 годами, типами положительными и отрицательными, правдивыми и карикатурными. По этимъ типамъ мы могли видѣть и судить, какъ относятся къ

церкви и ея служителямъ писатели различныхъ убѣжденій и образа мыслей. Тѣ, для кого дорога церковь и ея учрежденія, ищутъ и охотнѣе изображаютъ достойныхъ ея служителей да и для недостойныхъ находятъ все-таки иногда смягчающія обстоятельства; враги же церкви и вѣры Христовой, разумѣется, не падаютъ грязи, когда имъ случится коснуться служителей церкви, и уже не дадутъ имъ ни пощады, ни даже снисхожденія. И прискорбнѣе всего, что между послѣдними оказываются иногда люди, сами воспитанные церковью, — и эти послѣдніе, какъ всѣ вообще ренегаты, оказываются часто самыми безпощадными по отношенію къ изображаемому ими духовенству, поревновавъ печальной извѣстности Хама, открывшаго наготу отца своего. Но слѣдуетъ ли духовенству смущаться всѣмъ этимъ? По нашему мнѣнію, не слѣдуетъ. Духовенству слѣдуетъ дѣлать свое дѣло, не смущаясь и ожидая награды не отъ людей, но отъ Отца небеснаго, видящаго тайное и явное и вѣдущаго истинныя причины дѣлъ и поступковъ человѣческихъ. — Но изъ сказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, что духовенству не нужно и интересоваться тѣмъ, что появляется о немъ въ печати дурного. Напротивъ, по нашему мнѣнію, знать это духовенству не только полезно, но даже и прямо необходимо. Духовенству необходимо знать, какіе дѣйствительные недостатки или хоть смѣшныя стороны подмѣчаетъ въ нѣкоторыхъ его представителяхъ устами литературы и печати общество, чтобы постараться избавиться отъ этихъ недостатковъ, дабы не послужить для кого-либо предметомъ соблазна, не оттолкнуть кого-либо тѣмъ отъ церкви (или даже хотъ не ввести его въ грѣхъ осужденія) и тѣмъ не воспрепятствовать его спасенію и не принять на главу свою страшную отвѣтственность за это предъ Богомъ...

Тѣ, кто съ такимъ легкимъ сердцемъ бросаютъ камень осужденія въ духовныхъ лицъ, вдумывались ли когда-нибудь въ условія жизни и дѣятельности духовенства, думали ли когда-нибудь о томъ, какъ трудно иногда бываетъ

кандидату на духовное званіе избѣжать осмѣиваемыхъ или осуждаемыхъ ими недостатковъ? Думали ли они когда-нибудь о томъ, что будущій священникъ или дьяконъ еще съ пеленокъ осужденъ быть зрителемъ и свидѣтелемъ собиранія даяній съ прихожанъ и неизбѣжныхъ при этомъ сѣтованій и разговоровъ и такимъ образомъ съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста привыкаетъ ко всему этому; а поступивъ на приходъ, при всей нестяжательности и при постоянномъ, неусыпномъ наблюденіи за собою, принужденъ бываетъ иногда возмущаться при видѣ очевидной, а иногда и недобросовѣстной, недостаточности и несоотвѣтствія въ оцѣнкѣ его трудовъ, отъ чего въ душу его постоянно и незамѣтно начинаютъ вползать и расти ядовитые черви недовольства, требовательности и т. п., разрыхляя такимъ образомъ въ душѣ его благодарную почву, на которой, съ теченіемъ времени, могутъ развиться и другія нежелательныя качества. Представлялъ ли себѣ кто-нибудь ту борьбу, даже больше, ту трагедію, незримую, но ужасную, какая происходитъ иногда въ душѣ священника, когда онъ видитъ, какъ разлетаются въ прахъ, при столкновеніи съ суровою и даже беспощадною житейскою дѣйствительностью, его идеальныя стремленія, его лучшія намѣренія, его искренніе порывы, его чистыя мечты? Истинное служеніе священника есть *подвигъ*, а на подвигъ способны не всѣ люди. Знаменитый лѣсковскій (въ «Соборянахъ») протопопъ Савелій Туберозовъ (одинъ изъ лучшихъ, если не лучший и наиболѣе мощный типъ православнаго духовенства въ нашей литературѣ), когда враги его одолеваятъ его и ему приходится страдать, говорить своей женѣ:

— «Жизнь кончена, — начинается *житіе*»...

И развѣ не «житіе» жизнь священника о. Кирилла, выведеннаго въ разсказѣ г. Потапенко «На дѣйствительной службѣ»? И иначе и быть не можетъ... — Почему же изъ тѣхъ, кто говорятъ, что ихъ осужденіе духовенства исходитъ изъ скорби о несоотвѣтствіи жизни и поведенія его

съ его высокимъ призваніемъ, слѣд., изъ ревности по славѣ имени Божія и благъ Церкви, — почему изъ этихъ людей никто не пожелаетъ на самомъ себѣ показать духовенству живой и дѣйственный примѣръ истиннаго служенія Церкви Христовой, принявъ на себя священный санъ? почему никто изъ нихъ не пожелаетъ раздѣлить съ лучшими изъ духовныхъ лицъ подвигъ священнослужительскій, придти на помощь ихъ немощамъ, вступить въ ихъ ряды, внести въ ихъ среду, выражаясь языкомъ общества, свѣжую струю и освободить духовенство и Церковь отъ людей, которые не созданы для служенія ей? Увы, насколько мы знаемъ, тѣ изъ свѣтскихъ лицъ, которые дѣйствительно идутъ въ священники, если они не имѣютъ при этомъ собственныхъ болѣе или менѣе значительныхъ матеріальныхъ средствъ, иногда даже скорѣе изъ духовнаго званія происшедшихъ священниковъ склоняются предъ матеріальными соблазнами жизни на приходѣ.

Кто видѣлъ и почувствовалъ, какъ жестоко ломаетъ и мнетъ неумолимая житейская проза искреннія и высокія стремленія если не всѣхъ то, по крайней мѣрѣ, многихъ изъ духовенства, тотъ рѣшится ли обвинять его въ «кастовой замкнутости и отчужденности», которая съ дѣтства прививаетъ будущему священнику «узкій, практически-корыстный» взглядъ на дѣло своего служенія?—Къ сожалѣнію, лишь немногіе писатели (да и то преимущественно сами происходившіе изъ духовенства) приподнимали уголокъ завѣсы, скрывающей эту, незримую для постороннихъ, житейскую трагедію духовенства и пытались освѣтить нѣкоторые ея акты...

Свящ. Н. Колосовъ.